

Преподобный Исаак Сирин
Слова подвижнические

«Сибирская Благовонница»

1911

УДК 276
ББК 86.37

Сирин П.

Слова подвижнические / П. Сирин — «Сибирская
Благозвонница», 1911

ISBN 978-5-00127-189-5

Творения преподобного Исаака Сирина хорошо знакомы православному читателю и не нуждаются в представлении. Преподобный Паисий Святогорец, очень почитавший святого Исаака, в принадлежавшем ему томике «Слов подвижнических» написал своей рукой: «Авва, дай мне твое перо, чтобы я подчеркнул все слова в твоей книге», то есть не только прочел, но усвоил и исполнил самым делом все написанные в ней наставления. Чего мы искренне желаем всем, взявшим в руки книгу творений этого величайшего подвижника, тайнозрителя и богослова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 276
ББК 86.37

ISBN 978-5-00127-189-5

© Сирин П., 1911
© Сибирская Благозвонница, 1911

Содержание

Преподобный Исаак Сирин. Кем был автор «Слов подвижнических»?	8
Слово 1	17
Слово 2	21
Слово 3	25
Слово 4	27
Слово 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Преподобный Исаак Сирин Слова подвижнические

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-942-3621*

Текст приводится по изданию: *Творенія иже во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сиріянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископомъ христолюбиваго града Невіи. Слова подвижническія. Сергіевъ Посадъ: Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, 1911.*

© Сибирская Благовонница, текст, оформление, 2021

Преподобный Исаак Сирин. Кем был автор «Слов подвижнических»?

«Как человек, который пьет вино в день плача и, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божией во всем мире, который дом плача, забывает все свои труды и печали и по причине своего упоения делается нечувствительным ко всем греховным страстям. Сердце его подкрепляется надеждой на Бога; душа его легка, как пернатая птица; ум его ежечасно возносится от земли превыше всего человеческого, парит приснопочуением помыслов своих и наслаждается среди бессмертных у Всевышнего».

Такие удивительные слова прочли Патрикий и Авраамий, иноки палестинского монастыря святого Саввы Освященного, подвизавшиеся там в конце VIII или начале IX века, в сирийской рукописи. В ней были собраны Слова сирийского подвижника по имени Исаак, содержавшие поразительное знание человеческой природы, а также ведение духовных тайн. Кроме того, там были и практические советы всем, кто идет трудным путем богопознания и устройства собственной души.

Несомненно, автор говорил не «в теории», но основываясь на собственном богатом духовном опыте. Вот как он сам свидетельствует об этом: «Что художник, который живописует на стенах воду и не может этой водой утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели то, что сам испытал на деле, тот так же передает это слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые своим трудом».

Патрикий и Авраамий понимали, что перед ними – величайшее сокровище сирийской духовной традиции, которое может принести пользу не только подвизающимся с ними братьям, но и всем православным христианам. Они перевели рукопись на греческий язык. Так православный греческий Восток обогатился удивительным творением святоотеческой мысли – «Словами подвижническими», которые в дальнейшем стали любимым чтением в Византийской империи, а затем и на Руси. Их переписывали, их помещали в монастырские библиотеки, ими руководствовались иноки, да и благочестивые миряне, внимательные к своей духовной жизни, старались иметь «Слова» в своем домашнем книжном собрании.

Но под чьим же пером родились эти удивительные поучения? Их автора звали Исаак. Традиционно его стали именовать Исаак Сирин, то есть Сириец, – видимо, по аналогии с его святым соотечественником Ефремом Сириным.

Шли века. Творения преподобного Исаака, имя которого имело безграничный богословский авторитет и было овеяно ореолом суровой древней святости, были переведены на множество мировых языков. С греческого текста был сделан перевод на арабский, грузинский, славянский и латинский языки (X–XV вв.), а с латинского – на французский, итальянский, каталанский, испанский и португальский (XV–XVI вв.). Позже, вновь с греческого языка, текст «Слов подвижнических» был переведен на румынский (1781 г.), русский (1854 и 1911 гг.), новогреческий (1871 г.), французский (1981 г.) и английский (1984 г.) языки, а уже в свою очередь с русского – на японский (1909 г.). И это далеко не полный список переводов, которые делаются до сих пор.

Все это свидетельствует о глубоком почитании и неослабевающем в течение веков интересе к творениям преподобного Исаака как на Востоке, так и на Западе. Однако, как это ни удивительно, о личности самого святого автора и у греков, и тем более у европейцев сведений было крайне мало на протяжении долгого времени. Да и в сирийской литературе имя мар Исхака Ниневийского, нашего преподобного Исаака Сирина, окутано некоторой тайной, сведения о его житии крайне неполны и отрывочны. О его жизни рассказывают лишь несколько

позднесирийских писателей, и они говорят о преподобном так кратко, что оставляют большое поле для предположений и догадок. Так как эти источники очень важны, перечислим их по порядку опубликования и приведем, с некоторыми сокращениями, текст каждого из них.

Итак, первый из источников – так называемый аноним Ассемани. В 1719 году католический священник И. С. Ассемани издал в Риме житие по рукописи, написанной на каршуну – то есть на арабском языке, записанном сирийскими буквами. В рукописи рассказывалось об Исааке, епископе города Ниневии, следующее:

История этого святого великого мар Исхака. Было рождение его в восточной области из рода сирийского. И был у него младший брат. Стали подвизаться он и брат его в святой обители Мар-Маттай, большом общежитии. Они выделились своей мудростью и постническим усердием, брат его был сделан настоятелем монастыря и руководителем иноков.

Сам же святой мар Исхак после того, как навывк обычаям общежития, удалился в келью, расположенную вдали от монастыря, и там всего себя предал безмолвию и уединению, ни единого человека не встречая. Брат же его усердно писал ему в письмах, чтобы он вернулся в общежитие, но он пребыл твердым в этом. И вот, когда слава о его мудрости и святости распространилась, он был избран на престол Ниневийский.

И в первый же день, когда сидел он в епископской келье, пришли к нему двое тягущихся. Один из них требовал от другого возврата долга, а тот признавал долг, но просил себе отсрочки, чтобы собрать сумму. Говорит на это нечестивый сей богач: «Если он не отдаст мне деньги, я обращусь к судье». Святой Исхак отвечал ему и сказал, что Святое Евангелие учит совсем не требовать того, что взято, значит, тем более нужно подождать, пока должник не справится со своим долгом. Но нечестивец на это отвечал: ««Не надо разговоров о Евангелии!»»

Сказал мар Исхак: «Если они Евангелия не слушают, что пришел я сюда делать?» Увидел святой, что епископские дела препятствуют уединенной жизни. И ушел он с епископства, и удалился в святую Скитскую пустыню, где и жил до самой смерти, достигнув высочайшего совершенства в святой жизни. Он был учителем и наставником для всех иноков и податель спасения каждому... Сей святой жил в начале седьмой тысячи лет от сотворения мира.

Следующий источник увидел свет в 1896 году, когда французский католический священник Ж. Б. Шабо опубликовал так называемую «Книгу целомудрия» – историко-биографическое сочинение Ишоднаха, несторианского епископа города Басры. Оно было написано во второй половине IX века, и там среди прочих биографических заметок говорилось о некоем Исааке из Бет-Катрайе (современного Катара и его окрестностей), также епископе города Ниневии. Вот этот рассказ:

О святом Исхаке, епископе Ниневийском... Он был поставлен в епископы на Ниневию католикосом мар Геваргисом в монастыре Бет-Аве. После того как он управлял пять месяцев Ниневийской областью после епископа Моше, он отказался от епископства по причинам, известным только Богу, и поселился на горе. Некоторое время престол пустовал, затем воссел на него блаженный Савришо... После того как оставил Исхак престол Ниневийский, он взошел на горы Загроста, которые окружают область Бет Хузайе, и жил в безмолвии вместе с тамошними отшельниками. Затем отправился в обитель Раббана Шапура... Он создал книги об иноческом делании и высказал три положения, которых не принимали многие... Когда же он достиг глубокой старости, преставился из временной жизни, а тело его было положено в обители Шапура. Родом он был из Бет Катрайе.

Через восемь лет, в 1904 году, был опубликован новый текст, содержащий сведения о жизни Исаака, епископа Ниневийского. Его автор остался неизвестен, а издателем был католический епископ Е. Рахмани. Приведем и этот источник:

Теперь запишем историю, сиречь преславные деяния блаженного отца мар Исхака. Сей мар Исхак Ниневийский по роду своему был из Катарской страны, которая находится ниже

Индии. Когда он научился церковным книгам и толкованиям, то стал отшельником и учителем в своей стране. Когда пришел мар Геваргис католикос в его края, он прошел с ним в Бет Арамайе, ибо он был из семьи мар Гавриила Катарского, церковного толкователя.

Поставлен был мар Исхак во епископа Ниневийского в обители Бет-Аве. Но по причине остроты ума и ревности он смог лишь пять месяцев выдержать в пастырском попечении о стаде и вернулся к своей тишине... и пошел он и поселился отшельнически в горах Хузистана вместе с тамошними иноками.

Вот, собственно, и все источники, которые у нас имеются. Казалось бы, можно только радоваться – теперь у нас есть целых три текста, повествующих о жизни автора «Слов подвижнических»! И это при том, что до этого на протяжении многих веков о нем не было известно почти ничего. Однако радоваться рано. Ведь даже при беглом взгляде на эти три рассказа становится очевидно, что их нелегко, а точнее, даже невозможно совместить друг с другом.

Убедиться в этом нетрудно. Согласно «Книге целомудрия» Ишоднаха и анониму Рахмани, родина Исаака – Бет Катрайе или Катарская страна (современный Катар и его окрестности), а время жизни – VII–VIII века. Именно такая датировка следует из того, что в обоих этих источниках упоминается мар Геваргис – вполне историческая фигура, иерарх, занимавший место католикоса Церкви Востока с 661 по 680 год. В качестве места смерти Исаака и Ишоднаха и аноним Рахмани называют Хузистан. Тем не менее анонимный источник, опубликованный Ассемани, говорит о том, что преподобный Исаак родился в некоей «восточной области», жил в VI веке (поскольку именно так расшифровывается дата «в начале седьмой тысячи лет от сотворения мира») и скончался в Египте, в знаменитой Скитской пустыне.

Совершенно очевидно, что все эти сведения не могут одновременно относиться к одному человеку. Не будем сейчас разбираться в том, почему так получилось. Ошибка ли это средневековых авторов или заведомая ложь – кто знает? Сейчас нам важно другое. Вместо одной фигуры перед нами предстают две – два Исаака, жившие с разницей в век с лишним. Кто же из них – наш святой, почитаемый и любимый во всем православном мире преподобный Исаак Сирий?

Чуть позже мы обязательно ответим на этот вопрос. Но перед этим задумаемся: а бывают ли такие невероятные совпадения? Чтобы в разные эпохи жили два человека с одинаковыми именами, оба духовные писатели, оба епископы, причем одного и того же города, оба в краткое время оставившие свою кафедру и закончившие жизнь в подвигах благочестия? На первый взгляд это представляется совершенно невероятным. Но попробуем порассуждать об этом пока чисто теоретически.

Вот, например, два других сирийца, известные в истории Христианской Церкви. Обоих звали одинаково – Симеон. Даже их матери носили одно и то же имя Марфа. Они оба несли один и тот же подвиг столпничества и были прославлены Церковью в чине преподобных. Однако мы доподлинно знаем, что один из них жил и подвизался в V веке, а другой – в VI-м и что это совершенно разные люди. Всем православным христианам они известны сейчас как святые Симеон Столпник старший и Симеон Столпник младший.

Но нам даже незачем так далеко ходить за примерами, ведь подобный же «казус» встречается и в нашей отечественной истории. Среди святых Русской Православной Церкви есть два человека по имени Иоанн, носившие они одну и ту же фамилию Максимович. Оба были прославлены Церковью в чине святителей. Оба так или иначе имели отношение к проповеди православия в Китае. Один из них жил в XVII–XVIII веках и носил титул митрополита Тобольского и всея Сибири, а другой – в XX-м, и мы знаем его как епископа Шанхайского и Сан-Францисского. Так что в истории возможны удивительные совпадения!

Но вернемся к нашим Исаакам. Они очень похожи – одинаковые имена, одинаковый епископский сан, даже одно и то же место епископского служения (Ниневия) и обстоятельства оставления его делают их как бы двумя неразличимыми близнецами. Однако разница все же

есть. Дело в том, что один из этих Исааков (тот, о котором рассказывает Ишоднах и аноним Рахмани) – несторианин. Он родился в Катаре – местности, где были распространены несториане, а в епископы его рукоположил католикос несторианской Церкви Востока. Тогда кем же был тот Исаак, о котором повествует аноним Ассемани?

Об этом втором Исааке рассказывается, что он родился «в восточной области из рода сирийского». Что же это за «восточная область»? Для автора жития так вполне могли называться земли восточнее Дамаска, а именно окрестности Эдессы. Интересно, что эта догадка подтверждается анонимным аскетическим сочинением XIII – начала XIV веков, написанном на греческом языке, – «Надписанием о молчании и безмолвии». Этот текст был опубликован в 1770 году иеромонахом, а в будущем Астраханским архиепископом Никифором (Феотокисом) вместе с печатным изданием греческого перевода «Слов подвижнических». Там содержалась похвала автору «Слов» и сообщались некоторые биографические сведения о нем.

В частности, там говорилось: «Исаак, ведущий свой род от сирийцев и воспитанный недалеко от той Эдессы в Месопотамии, откуда вышел, как узнаем от Святых Писаний, и этот упомянутый ранее достойный удивления [патриарх] Авраам».

Эдесса, этот древний христианский город, занимает совершенно особое место в истории Церкви. Его правители первыми в истории стали христианами – именно с Эдессой связано предание о царе Авгаре и Нерукотворенном образе Христа. Позже, во времена арианских споров, Эдесса была надежным оплотом православия и центром христианской учености. Там существовала высшая школа, в которую в 300 году в качестве студента поступил другой прославленный Церковью сириец – преподобный Ефрем Сирийский. Долгое время там оставалось духовное влияние этой удивительной личности, жили его ученики. Учителя Эдесской школы читали со студентами Священное Писание, опираясь преимущественно на толкования этого преподобного.

Как мы видим, по крайней мере по рождению Исаак анонима Ассемани – православный. Теперь спросим себя: мог ли он перейти к несторианам впоследствии? Причина, которая первой приходит в голову, – ради принятия сана епископа. Но, по свидетельству анонимного автора, Исаак вовсе не рвался на епископскую кафедру: «Когда слава о его мудрости и святости распространилась, он был избран на престол Ниневийский». А из того, как быстро Исаак покинул епископский престол и вновь удалился в пустыню, мы видим, как мало он за него держался.

Однако даже если бы (предположим это) Исаак анонима Ассемани пожелал епископства, ему вовсе не надо было для этого изменять православию. Мы помним, что, согласно источнику, он жил в V- начале VI века. Действительно, в V веке среди христиан Востока появились тенденции к церковной обособленности от Византийской империи, а значит, и от Антиохийской Православной Церкви. Тем не менее в это время там была еще вполне сильна законная церковная иерархия, подчинявшаяся патриарху Антиохийскому. В его юрисдикцию входил и уроженец Эдессы Ниневийский епископ Исаак.

Итак, перед нами два Исаака – Исаак Катарский и Исаак Эдесский. Один несторианин, другой православный. Кто же из них автор «Слов подвижнических»? Вопрос далеко не праздный, учитывая то, что в современных научных кругах Исаак Сирийский давно и уверенно объявлен несторианином, с чем соглашаются, к сожалению, и многие православные исследователи. Попробуем разобраться в этом. Обратимся к тексту «Слов подвижнических» и постараемся увидеть, что в них опровергает, а что подтверждает данные биографических источников. К сожалению, зацепок у нас не так уж много, но они есть.

Первое, что обращает на себя внимание, – это дата. Время жизни Исаака Катарского (согласно и Ишоднаху, и анониму Рахмани) – VII век. Исаак Эдесский жил в VI веке, или, как говорит аноним Ассемани, «в начале седьмой тысячи лет от сотворения мира». Здесь интересно то, что дата в этом последнем источнике дана по византийскому летоисчислению – от

сотворения мира. Этой системой отсчета времени в Сирии пользовались только мелькиты, то есть православные. Все остальные сирийцы – и монофизиты, и несториане, – как правило, использовали счет от так называемой Селевкидской эры. Его использовали и хронисты, и церковные писатели.

Это значит, что житие, опубликованное Ассемани, происходит явно из православной сирийской среды. И, если судить по этому признаку, автор «Слов подвижнических» принадлежит к той же самой среде, ибо также использует византийское летоисчисление «от сотворения мира». Так, в 19-м Слове его автор так определяет дату Христова пришествия на землю – «пять тысяч и пятьсот с лишком лет». В этом он следует общепринятому во Вселенской Церквисчету времени (см., например, в деяниях VII Вселенского Собора: «Христос Бог наш в пять тысяч пятьсот первом году пришел к людям и жил с нами тридцать три года и пять месяцев»). А в 30-м Слове находим и дату написания самого его текста. «Ибо ты выходишь учить тех, – говорит о бесах автор этого Слова, – кому уже шесть тысяч лет». Шесть тысяч лет от сотворения мира – это самое начало VI века, что согласуется со свидетельством анонима Ассемани и ясно указывает на Исаака Эдесского как на автора «Слов подвижнических».

Второе, мимо чего никак нельзя пройти, – это семейные обстоятельства двух Исааков. У Ишоднаха о семье Исаака не говорится ничего. В житии, опубликованном Рахмани, сказано, что «он был из семьи мар Гавриила Катарского, церковного толкователя». В анонимном источнике Ассемани ничего не говорится о Гаврииле, но упоминается брат преподобного Исаака и рассказывается эпизод, связанный с ним. Теперь обратимся к «Словам подвижническим». Здесь об ученом Гаврииле, толкователе Священного Писания, не говорится ничего. А вот упоминание о брате автора мы там находим. Среди других Слов под номером 24 помещено письмо, озаглавленное «Послание к некоему брату естественному и духовному». В нем автор объясняет, почему не может нарушить свое уединение и прийти к адресату, что по смыслу вполне согласуется со свидетельством анонима Ассемани. Вспомним: там рассказывается о том, как брат преподобного неоднократно убеждал его вернуться в общежительный монастырь, но тот неизменно отказывался. Не лишним будет сказать, что биографическая ценность этого послания признается в научной среде.

И, наконец, третье, что нельзя упускать из виду, – это та духовная традиция, на которую опирается автор «Слов подвижнических». Весь текст «Слов» свидетельствует о том почтении, которое их автор оказывал ранней сирийской, то есть православной, экзегетической традиции. Особенно часто его мысль обращается к творениям его святого соотечественника преподобного Ефрема Сирина. Часто и с большим уважением автор «Слов подвижнических» цитирует и других православных святых и учителей Церкви и использует их аскетическую терминологию.

Все это свидетельствует о том, что автор «Слов подвижнических», вполне православный по духу, был укоренен в мелькитской (православной) среде и что его почитание как святого началось именно там. Кстати говоря, не этим ли объясняется полное отсутствие литургического почитания преподобного Исаака в восточно-сирийской (нехалкидонской) традиции?

Как нам кажется, приведенных аргументов вполне достаточно для того, чтобы ясно увидеть: православный епископ Исаак, о котором повествует анонимный источник, изданный Ассемани, и автор «Слов подвижнических» – одно и то же лицо, и он вполне отличается от несторианина Исаака Катарского. Тем не менее приведем и еще некоторые доводы, которые здесь, быть может, будут совсем не лишними.

Во всех рукописях «Слов подвижнических» – и монофизитских, и несторианских, и православных – в качестве автора указывается Исаак Ниневийский. Так он фигурирует и в традиции несторианской Церкви Востока с древнейших времен. И Исаак Катарский, и Исаак Эдесский в приведенных биографических источниках именуется епископами города Ниневии. Но оба ли Исаака имели право так называться?

Ответ на этот вопрос не так очевиден, как может показаться. Дело в том, что титул «епископ Ниневийский», несомненно существовавший еще в VI веке, в VIII веке уже не употреблялся. Более того, к этому времени не только епископы, подчиненные митрополиту Арбельскому, перестали называться Ниневийскими, но и сам митрополит принял новый титул Аль-Маусульский, то есть Мосульский.

Титул «епископ Ниневийский» вплоть до VI века носил архиерей города Мосул, избравшийся из постриженников монастыря Мар-Маттай (где как раз и подвизался преподобный Исаак, согласно анониму Ассемани), а вовсе не Бет-Аве, куда помещают своего Исаака Ишоднах и анонимный автор, изданный Рахмани. Кстати говоря, истории известны имена более ста епископов несторианской Церкви Востока, вышедших именно из этого монастыря Бет-Аве. Однако имени Исаака Ниневийского среди них нет. Нет его и в диптихах несторианских иерархов этого периода.

Более того, нет там и таких имен, как Моисей и Савришо, – предшественника и преемника, согласно Ишоднаху, Исаака на Ниневийской кафедре. Исаак, епископ Ниневии, отсутствует и в служебниках Церкви Востока.

Иными словами, история не знает несторианского епископа Исаака Ниневийского. А вот епископ Исаак из Катара ей известен. Правда, титул у него был совсем другой. Историкам известно, что, когда католикос Геваргис (тот самый, о котором Ишоднах и аноним Рахмани сообщают как об иерархе, поставившем Исаака на Ниневийскую кафедру) прибыл в Катар, он действительно рукоположил некоего Исаака в епископы, но не на Ниневийскую кафедру, а на местную – Хаттскую. Не этот ли человек – реальное историческое лицо – и является тем самым епископом Исааком из Катара, с которым спутал преподобного Исаака Сирина Ишоднах, а вслед за ним и анонимный автор, изданный Рахмани?

Ишоднаху, жившему в IX веке, тем легче было перепутать эти две исторические личности, отделенные от него несколькими веками, что в его времена епископы города Ниневии носили титул Хаззских. И вот, к нему попадают сведения о двух духовных писателях. Один – Исаак, епископ Хаттский, другой – Исаак, епископ Хаззский. Оба оставили после себя свои писания, оба воспитали учеников и пользовались большим авторитетом. Ошибка могла возникнуть естественно. Решив, что речь идет об одном и том же человеке, Ишоднах объединил в своем повествовании сведения о личностях, между которыми пролегал век с лишком, смешав сведения о том и другом для большего, как ему наверняка казалось, правдоподобия.

Та же путаница коснулась, к сожалению, и творений преподобного Исаака. Аноним Ассемани сообщает, что преподобный Исаак «написал изящнейшим слогом четыре книги наставлений в монашеской жизни». Аноним Рахмани сообщает о пяти книгах. А в каталоге сирийских авторов, составленном в XIII веке, уже говорится о семи. Даже по одним этим цифрам видно, как «разрасталось» наследие преподобного Исаака спустя века после его блаженной кончины – ему приписывали сочинения других авторов, соименных ему.

Все это осталось бы скрытым в глубинах истории, если бы не находка, сделанная в самом конце XX века и вызвавшая ажиотаж в некоторых научных кругах. Речь идет о событии, произошедшем в 1983 году, когда среди рукописей оксфордской Бодлианской библиотеки был обнаружен манускрипт, датируемый X или XI веком. Он представлял собой несторианскую рукопись, надписанную именем Исаака, епископа Ниневийского, и содержал 41 беседу на сирийском языке. Обнаруживший рукопись западный исследователь С. Брок немедленно объявил ее вторым из утерянных томов творений преподобного Исаака.

Однако, как вскоре стало понятно всем непредвзятым читателям новонайденной рукописи, это было сделано несколько преждевременно, поскольку если не все, то по крайней мере некоторые из текстов, входящих в нее, явным образом не принадлежат преподобному Исааку. Язык и темы, затрагиваемые в них, свидетельствуют о более позднем их происхождении.

Например, в некоторых местах отражена анти-иудейская полемика, разгоревшаяся в VI–VII веках, или полемика с сирояковитами, имевшая место лишь в IX веке.

По составу «второй том» является весьма разнородным, включая в себя произведения, весьма различающиеся и по жанровой принадлежности, и по объему. В нем содержатся письма, или послания, сентенции, так называемые «Главы о знании» (по объему это почти половина всего «второго тома»), молитвы, беседы, а также трактаты полемического или догматического содержания, скрепленные между собой не всегда удачными вставками переписчиков.

Уже одно это свидетельствует о компилятивной природе так называемого «второго тома». Некоторые из помещенных туда фрагментов очевидным образом нарушают общую композицию сборника, угадывающуюся за позднейшими вставками составителей и переписчиков. Именно поэтому ученые нередко предпочитают называть этот новонайденный «второй том» вторым собранием из-за крайней разнородности входящих в него частей. Кстати говоря, дополнительным аргументом в пользу его составного характера является и тот факт, что в том виде и составе, в каком его нашел и опубликовал С. Брок, он никогда не был известен в сирийской православной среде.

И это неудивительно, ведь порой во «втором томе» высказываются не просто спорные с богословской точки зрения суждения, но излагается прямая ересь. Так, неведомый автор некоторых трактатов мысль о вечности гееннских мук считает богохульный, выражая странную убежденность в том, что спасутся все, включая даже демонов; изумляет православного читателя утверждением, что мир сотворен Богом уже с грехом; высказывает вполне несторианскую мысль о вселении Божества в человека Иисуса и неожиданно «учетверяет» Троицу, сообщая о том, что неслиянно существуют Отец, Сын и Дух и человек Иисус, посредник между нами и Богом.

Всякий, кто попыбует найти что-либо подобное в тексте «Слов подвижических», потерпит неудачу. Отсюда со всей очевидностью следует вывод: если некоторые произведения, входящие в так называемый новонайденный «второй том» творений преподобного Исаака Сирина, и принадлежат его перу, то весь сборник в целом не может быть ему приписываем и ждет дальнейших исследований ученых сирологов и исааковедов.

Вот и подошло к концу наше маленькое расследование. Конечно, мы изложили не все аргументы в пользу православия преподобного Исаака Сирина (чтобы только перечислить их все, требуется объем статьи, а никак не короткого предисловия). Однако и всего сказанного достаточно для того, чтобы стало очевидно: все попытки «обратить» святого Исаака в несторианство и поставить под сомнение его верность православию неосновательны.

Хотя, как нам кажется, преподобный Исаак на самом деле и не нуждается ни в наших, ни в чьих бы то ни было оправданиях. Традиция его почитания как святого насчитывает уже много столетий. И византийские, и русские святые отцы, иерархи и богословы никогда не выражали своих сомнений в пользе чтения творений преподобного Исаака и в святости их автора. В Византии греческий перевод «Слов подвижических» был любимым иноческим чтением даже несмотря на то, что об авторе «Слов» почти ничего не было известно. Их с удовольствием переписывали греческие книжники.

И не только переписывали, но оставляли в рукописях восторженные отзывы о самих текстах и об их авторе. Например, такие: «Медоречивы и спасительны все его наставления, полны Божественной мудрости и благодати. Воистину великим в святости и уразумении Божественных предметов явился сей достойный удивления и богодухновенный муж, пусть даже достоверные сведения о сем достойном отце от нас, недостойных, полностью сокрыты». Книга Исаака Сирина, сказано в предисловии к другой рукописи, «умеет безмолвным духом окрылить ум к пламенным молитвам»; «всякий инок, если преуспел в ее изучении, не отпадет от прямой стези, возводя в свою очередь к высоте созерцания тех, кто со вниманием прилежит этой книге».

Среди внимательных и благодарных читателей творений преподобного Исаака были такие святые, как Петр Дамаскин, Никифор Уединенник, Каллист и Григорий Палама. Когда подвижник и духовный писатель XIV века преподобный Григорий Синаит давал советы своим ученикам о том, что им полезнее всего читать, он особо выделил Исаака Сирина: «Всегда читай о безмолвии и молитве – именно у святого Лествичника, у святого Исаака, у святого Максима». «Мой божественный философ» – так называл Исаака Сирина преподобный Никодим Святогорец.

У русского преподобного Нила Сорского том творений святого Исаака Сирина был настольным, судя по тому, как часто он цитирует его в своем «Уставе скитского жительства». Много раз обращаются к Исааку Сирину и преподобные Корнилий Комельский в своем Уставе и Иосиф Волоцкий в «Духовной грамоте».

Преподобный Варсонофий Оптинский говорил о том, что авва Исаак Сирия над прочими святыми отцами – как орел, парящий над другими птицами. А преподобный Амвросий Оптинский дарил приходящим к нему книгу творений преподобного Исаака, изданных Оптиной пустыней в 1854 году. Один такой экземпляр, надписанный лично этим известным оптинским старцем, хранится сейчас в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии.

По благословию Оптинских старцев, изданная книга безвозмездно рассылалась по библиотекам всех духовных академий и семинарий России, в лавры и монастыри, приходские храмы. Преподобный Моисей (Путилов) распорядился послать по экземпляру почти всем епархиальным преосвященным, а также на Афон, в Пантелеимонов монастырь и в знаменитую Нямецкую обитель, место упокоения преподобного Паисия Величковского. Издание и распространение святоотеческих творений продолжил также и преемник старца Моисея – преподобный Исаакий (Антимонов).

Скажем также и о том, что книга «Слов подвижнических», переизданная Оптиной пустыней в 1858 году, была в библиотеке Ф. М. Достоевского. Он пользовался ею при работе над романами «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Другой русский великий писатель Н. В. Гоголь, неоднократно бывавший в Оптине, именно здесь открыл для себя преподобного Исаака Сирина как духовного писателя. Его знакомство с ним отразилось в пометках к первому изданию «Мертвых душ». На полях одиннадцатой главы этого произведения его автор написал карандашом: «Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души».

Сам Господь сказал: *Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду* (Мф. 12, 33). В данном случае «плодами» преподобного Исаака мы можем назвать книгу его творений. И если так много святых и духовно чутких людей оценивали их столь высоко, то имеем ли мы право сомневаться в православии их автора?

Святитель Феофан, затворник Вышенский, например, вовсе в этом не сомневался. Он составил молитву преподобному Исааку Сирину, которую мы приведем здесь полностью: «Преподобие отче Исаакие! Моли Бога о нас и молитвою твоею озари ум наш разумети высокая созерцания, коими преисполнены словеса твои, и паче возведи или введи в тайники молитвы, которой производство, степени и силу так изображают поучения твои, да, ею окривляемые, возможем свободно тещи путем заповедей Господних неуклонно, минуя препятствия, встречаемые на пути, и преодолевая врагов, вооружающихся на нас».

Впрочем, чтобы не множить примеров, приведем последнее свидетельство о святости и православии преподобного Исаака. Разумеется, для ученых оно ни в коей мере не может звучать хоть сколько-нибудь убедительно, но для православного сердца утешительно и отрадно.

Не будем пересказывать своими словами, лучше приведем большую цитату из жития недавно прославленного святого, преподобного Паисия Святогорца.

«Однажды старец сидел возле монастыря Ставроникита и беседовал с паломниками. Один из них, выпускник богословского факультета, утверждал, что авва Исаак Сирий был несторианином, и повторял известное западное воззрение по этому вопросу. Старец Паисий пытался убедить богослова в том, что авва Исаак был не только православным, но и святым и что его аскетические слова исполнены многой благодатью и силой. Но богослов упрямо стоял на своем. Старец ушел в свою каливу огорченным и погрузился в молитву... По пути ему было видение: он увидел проходящий перед ним лик преподобных отцов. Один из преподобных остановился перед старцем и сказал: “Я Исаак Сирий. Я весьма и весьма православный. Действительно, в той области, где я был епископом, была распространена несторианская ересь, но я с ней боролся”. После этого старец в сентябрьской минее к тексту “28 дня того же месяца память преподобного отца нашего Ефрема Сирина” дописал своей рукой: “И Исаака, великого исихаста, с которым поступили очень несправедливо”».

Известно также, что преподобный Паисий, очень почитавший преподобного Исаака, рекомендуя читать его мирянам, говорил, что «в книге аввы Исаака содержатся многие духовные “витамины”, благодаря которым это чтение изменяет душу», и что «книга аввы Исаака имеет такую же ценность, как целая библиотека святых отцов». В той книге творений преподобного Исаака, которой он постоянно пользовался, старец написал: «Авва, дай мне твое перо, чтобы я подчеркнул все слова в твоей книге», то есть не только прочел, но усвоил и исполнил самым делом все написанные в ней наставления. Чего мы искренне желаем всем, взявшим в руки книгу творений этого величайшего подвижника, тайнозрителя и богослова.

Однако закончим наши рассуждения и предоставим слово самому преподобному Исааку, который говорит: «Кто обрел любовь, тот каждый день и час вкушает Христа и делается от этого бессмертным... Любви достаточно для того, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, веселящее сердце человека (см. Пс. 103, 15)! Блажен, кто испиет

этого вина! Испили его невоздержные – и устыдились; испили грешники – и забыли пути преткновений; испили пьяницы – и стали постниками; испили богатые – и возжелали нищеты; испили убогие – и обогатились надеждой; испили недужные – и стали сильны; испили невежды – и умудрились».

Да сподобит Господь и нас испить этого таинственного вина любви молитвами подвижника Его Исаака, жившего так давно, но знакомого и любимого сегодня всеми православными людьми, желающими научиться настоящей любви к Богу и ближнему!

Т. Копяткевич

Слово 1

Об отречении от мира и о житии монашеском

Страх Божий есть начало добродетели. Говорят, что он – порождение веры и сеется в сердце, когда ум устранен от мирских хлопот, чтобы свои кружащиеся от парения мысли собрать ему в размышлении о будущем восстановлении. Для того чтобы положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устранении от дел житейских и пребывать в слове света стезей правых и святых, какие Духом указал и наименовал псалмопевец (см. Пс. 22, 3; 118, 35). Едва ли найдется, а может быть, и вовсе не найдется такой человек, который бы, хотя будет он и равноангельный по нравам, мог вынести честь. И это происходит, как скажет иной, от скорой склонности к изменению.

Начало пути жизни – поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете. Напоение себя одним содействует усовершению в другом. Если напоешь себя изучением словес Божиих, это помогает преуспеянию в нищете; а преуспеяние в нестяжательности доставляет тебе досуг преуспевать в изучении словес Божиих. Посobie же того и другого содействует к скорому возведению целого здания добродетелей.

Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира. Удалением же называю не переселение из тела, но устранение от мирских дел. В том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром. Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока чувства чем-нибудь заняты.

Телесные страсти не приходят в бездействие, и лукавые помыслы не оскудевают без пустыни. Пока душа не придет в упоение верой в Бога приятием в себя силы ее ощущения, до тех пор не уврачуется немощи чувств, не возможет с силой поправить видимого вещества, которое служит преградой внутреннему, и не ощутит в себе разумного порождения свободы. И плод того и другого – спасение от сетей. Без первого¹ не бывает второго²; а где второе правощественно, там третья³ связуется как бы уздой.

Когда умножится в человеке благодать, тогда по желанию праведности страх смертный делается для него легко презираемым, и много причин находит он в душе своей, по которым ради страха Божия должно ему терпеть скорбь. Все, что считается вредящим телу и внезапно действует на природу, а следовательно, приводит в страдание, ни во что вменяется в очах его в сравнении с тем, на что он надеется в будущем.

¹ То есть удаления от мира. Здесь и далее примечания приводятся по изданию: Творения иже во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сиріянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископомъ христоролюбиваго града Неневіа. Слова подвижническія. Сергіевъ Посадъ: Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, 1911.

² То есть упоения верой в Бога.

³ То есть свобода.

Без попущения искушений невозможно познать нам истины. Точное же удостоверение в этом находит человек в мысли, что Бог имеет о человеке великое промышление и что нет человека, который бы не состоял под Его Промыслом. Особенно же ясно, как бы по указанию перста, усматривает он это на взыскавших Бога и на терпящих страдания ради Него. Но когда увеличится в человеке оскудение благодати, тогда все сказанное оказывается в нем почти в противоположном виде. У него ведение, по причине исследований, бывает больше веры, а упование на Бога имеется не во всяком деле, и Промысл Божий о человеке отрицается. Таковой человек постоянно подвергается в этом⁴ козням подстерегающих его *состреляти во мраце* (Пс. 10, 2) стрелами своими.

Начало истинной жизни в человеке – страх Божий. А он не терпит того, чтобы пребывать в чьей-либо душе вместе с парением ума. Потому что при служении чувствам сердце отвлекается от услаждения Богом, ибо внутренние помышления ощущением их, как говорят, связываются в самих служащих им чувствилищах.

Сомнение сердца приводит в душу боязнь. А вера может делать произволение твердым и при отсечении членов. В какой мере превозмогает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь быть отважным и бестрепетным при многих противоборствах, окружающих любимое тобой.

Желающий себе чести не может иметь недостатка в причинах к печали. Нет человека, который бы с переменной обстоятельств не ощутил в уме своем перемены в отношении к предстоящему делу. Если вожделение, как говорят, есть порождение чувств, то пусть умолкнут наконец утверждающие о себе, что и при развлечении сохраняют они мир ума.

Целомудрен не тот, кто в труде, во время борьбы и подвига говорит о себе, что прекращаются тогда в нем срамные помыслы, но кто истинностью сердца уцеломудривает созерцание своего ума, так что не внимает он бесстыдно непотребным помыслам. И когда честность совести его свидетельствует о своей верности взглядом очей, тогда стыд уподобляется завесе, повешенной в сокровенном вместилище помыслов. И непорочность его, как целомудренная дева, соблюдается Христу верой.

Для отвращения предзанятых душой расположений⁵ к непотребству и для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний, производящих мятежный пламень, ничто не бывает так достаточно, как погружение себя в любовь к изучению Божественного Писания и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словесах премудрости, тогда человек, благодаря силе, которой извлекает из них просвещение, оставляет позади себя мир, забывает все, что в мире. И изглаживает в душе все воспоминания, все действенные образы овещствления мира, а нередко уничтожает самую потребность обычных помыслов, посещающих природу. Самая душа пребывает в восторге при новых представлениях, встречающихся ей в море тайн Писания.

И опять, если ум плавает на поверхности вод, то есть моря Божественных Писаний, и не может проникнуть своей мыслью Писания до самой глубины, уразуметь все сокровища, таящиеся в глубине его, то и того самого, что ум занят рвением к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им, как сказал некто из богоносных, стремиться к естеству телесному, тогда как сердце немощно и не может вынести озлоблений, встречающихся при внешних и внутренних бранях. И вы знаете, как тягостен худой помысел. И если сердце не занято ведением, то не может преодолеть мятежности телесного возбуждения.

Как тонкости колебания весов в ветреную бурю препятствует тяжесть взвешиваемого, так колебанию ума препятствуют стыд и страх. А по мере оскудения страха и стыда является причина к тому, чтобы ум непрестанно скитался, и тогда, по мере удаления из души страха,

⁴ То есть в вопросе о Промысле Божиим.

⁵ То есть прежних впечатлений.

коромысло ума, как свободное, колеблется туда и сюда. Но как коромыслу весов, если чаши их обременены очень тяжелым грузом, нелегко прийти уже в колебание от дуновения ветра, так и ум под бременем страха Божия и стыда с трудом совращается тем, что приводит его в колебание. А в какой мере оскудевает в уме страх, в такой же начинают обладать им превратность и изменчивость. Умудрись же в основание своего шествия полагать страх Божий и в немного дней, не делая кружений на пути, будешь у врат Царствия.

Во всем, что встретится тебе в Писаниях, доискивайся цели слóва, чтобы проникнуть тебе в глубину мысли святых и с большой точностью уразуметь ее. Божественной благодатью путеводимые в своей жизни к просвещению всегда ощущают, что как бы мысленный какой луч проходит по стихам написанного и отличает уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великой мыслью. Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце его остается бедным и угасает в нем святая сила, которая при чудном уразумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение.

Всякая вещь обыкновенно стремится к сродному ей. И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речение, заключающее в себе сокровенную духовную силу, пламенно приемлет содержание этого речения. Не всякого человека пробуждает к удивлению то, что сказано духовно и что имеет в себе сокровенную великую силу. Слово о добродетели требует сердца, не занимающегося землей и близким с ней общением. В человеке же, ум которого утружден заботой о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к тому, чтобы возлюбить ее и выискать обладания ею.

Отрешение от вещества по своему происхождению предшествует союзу с Богом, хотя нередко, по дарованию благодати, в иных оказывается последнее предшествующим первому, потому что любовью покрывается любовь⁶. Обычный порядок дарования благодати иной в порядке, общем для людей. Ты же сохраняя общий чин. Если придет раньше к тебе благодать, это – ее дело. А если не придет, то путем всех людей, каким шествовали они, постепенно иди для восхождения на духовный столп.

Всякое дело, совершаемое созерцательно и исполняемое по заповеди, данной для него, вовсе не видимо телесными очами. И всякое дело, совершаемое деятельно, бывает сложно, потому что заповедь, которая только одна, именно деятельность ради плотских и бесплотных, имеет нужду в том и другом, в созерцании и в деятельности. Ибо единое есть сочетание созерцания и деятельности.

Дела, показывающие заботливость о чистоте, не подавляют чувства, возбуждаемого памятованием прошедших поступков, но печаль, ощущаемую при этом памятовании, заимствуют из разума. И с этого времени ход припамятования производится в уме с пользой. Ненастьимность души в приобретении добродетели превосходит страсть тела к предметам видимым. Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным.

Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, приняв в себя ощущение одного улажнения, не поработанного чувствам? Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе та святая красота, которой уподобляешься Богу. Совокупность добрых дел, сосредоточенная в милосердии, производит в душе, без всякого промедления времени, общение с единым сиянием славы Божества.

Духовное единение есть непрестанное памятование. Оно непрерывно пылает в сердце пламенной любовью, в неуклонении от заповедей заимствуя силу к пребыванию в союзе, не с насилием природе и не по природе. Ибо там⁷ находит человек опору для душевного созерцания, чтобы оно прочно утвердилось на ней. Потому сердце приходит в восторг, закрывая свои чувства обоего рода, плотские и душевные. К духовной любви, которая отпечатлевает невиди-

⁶ То есть, как следует из сирийского текста, любовью к Богу вытесняется любовь к земному.

⁷ То есть в постоянном хранении заповедей.

мый образ⁸, нет иной стези, если человек не начнет прежде всего быть щедролюбивым в такой же мере, в какой совершен Отец, как сказал Господь наш, ибо так заповедал Он послушным Ему полагать основание в этом (см. Мф. 5, 48; 19, 21; Лк. 6, 36).

Иное слово действенное, и иное слово красивое. И без познания вещей мудрость умеет украшать свои слова, говорить истину, не зная ее, и толковать о добродетели, хотя сам человек не изведал опытно дела ее. Но слово от деятельности – сокровищница надежды, а мудрость, не оправданная деятельностью, – залог стыда.

Что художник, который живописует на стенах воду и не может этой водой утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели то, что сам испытал на деле, тот так же передает это слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые своим трудом. И кто из собственного стяжания сеет учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста свои, говоря своим духовным чадам, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: *Аз же даю ти единую часть свыше братии твоея, юже взях из руки аморрейски мечем моим и луком* (Быт. 48, 22).

Всякому человеку, который живет нечисто, вожденна жизнь временная. Второй по нем, кто лишен ведения⁹. Прекрасно сказал некто, что страх смертный печалит мужа, осуждаемого своей совестью. А кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни. Не признавай того истинным мудрецом, кто ради этой жизни порабощает свой ум боязни и страху.

Все доброе и худое, что ни приключается с плотью, почитай за сновидение. Ибо не в смерти одной отрешись от всего, но часто и прежде смерти оставляет это тебя и удаляется. А если что-либо из этого имеет общение (связь) с душой твоей, то почитай это своим стяжанием в этом веке; оно пойдет с тобой и в век будущий. И если это – нечто доброе, то веселись и благодари Бога в уме своем. Если же это – нечто худое, то будь прискорбен, и воздыхай, и старайся освободиться от этого, пока ты в теле.

Будь уверен, что ко всякому доброму делу, совершаемому в тебе сознательно или бессознательно, посредниками для тебя были крещение и вера, посредством которых призван ты Господом нашим Иисусом Христом на дела Его благие. Со Отцем и Святым Духом Ему слава, и честь, и благодарение, и поклонение во веки веков! Аминь.

⁸ Бога в себе.

⁹ То есть знания добра.

Слово 2

О благодарности Богу, с прибавлением краткого изложения первоначальных учений

Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, бóльшие прежних. Кто неблагодарен за малое, тот и в бóльшем лжив и несправедлив. Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто сознает болезнь свою, тот близок к своему уврачеванию и легко найдет его. Жестокостью сердца умножаются его болезни, и если больной противится врачу, мучение его увеличивается. Нет греха непрощительного, кроме греха нераскаянного. И дар не остается без удвоения, разве только когда нет за него благодарности. Часть того, кто неразумен, мала в глазах его.

Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелью, чтобы непрестанно видеть в себе недостаток против их меры. Содержи всегда в уме тяжчайшие скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малые и ничтожные скорби, бывающие у тебя, и быть в состоянии переносить их с радостью.

Во время своего поражения, расслабления и лени, связуемый и содержимый врагом в мучительном томлении и в тяжком деле греха, представляй в своем сердце прежнее время своей рачительности: как был ты заботлив обо всем даже до малости, какой показал подвиг, как с ревностью противился желавшим воспрепятствовать твоему шествию. Сверх же того помысли о тех воздыханиях, с какими болезновал ты о малых недостатках, появившихся в тебе от твоего нерадения, и о том, как во всех этих случаях получал ты победный венец. Ибо всеми таковыми воспоминаниями душа твоя возбуждается как бы из глубины, облекается пламенем ревности, как бы из мертвых восстает от своего потопления, возвышается и горячим противоборством диаволу и греху возвращается в первобытный свой чин.

Вспомни о падении сильных, и смиришься в добродетелях своих. Припомни тяжкие падения падших в древности и покаявшихся, а также высоту и честь, каких сподобились они после этого, и примешь смелость в покаянии своем. Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет твоим приближением. Умиришь сам с собой, и умиряется с тобой небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клетку, и узришь клетку небесную, потому что та и другая – одно и то же и, входя в одну, видишь обе. Лестница оного Царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себя самого погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить.

Писание не истолковало нам, что суть вещи будущего века. Но оно просто научило нас, как ощущение наслаждения ими мы можем получить еще здесь, прежде естественного изменения и исшествия из этого мира. Хотя Писание, чтобы возбудить нас к вожделению будущих благ, изобразило их под именами вещей, у нас вожделенных и славных, приятных и драгоцен-

ных, когда говорит: *Ихже око не виде, и ухо не слыша* (1 Кор. 2, 9) и прочее, но этим возвестило нам то, что будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними.

Духовное наслаждение не есть пользование вещами, самостоятельно пребывающими вне души приемлющих. А иначе сказанное: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21) и: *Да придет Царствие Твое* (Мф. 6, 10) будет уже означать, что внутрь себя приняли мы вещество чего-то чувственного, в залог заключающегося в этом наслаждения.

Ибо необходимо, чтобы самое стяжание было подобно залогу и целое – части. И сказанное *якоже зеркалом* (1 Кор. 13, 12) хотя не указывает на самостоятельно пребывающее, однако же означает приобретение подобия. А если истинно свидетельство истолковавших Писания, что самое ощущение это есть умное действие Святого Духа, то и оно уже есть часть оногo целого.

Не тот любитель добродетели, кто с борением делает добро, но тот, кто с радостью принимает последующие за тем бедствия. Не великое дело терпеть человеку скорби за добродетель, как и не колебаться умом в избрании доброго своего изволения при обольстительном щекотании чувств. Всякое раскаяние по отъятии свободы¹⁰ таково, что ни радости оно не источает, ни дает права на награду приобретшим его.

Покрой согрешающего, если нет тебе от этого вреда: и ему придашь бодрость, и тебя поддержит милость Владыки твоего. Немощных и огорченных сердцем подкрепляй словом и всем, насколько возможет рука твоя, – и подкрепит тебя вседержительная Десница. С огорченными сердцем будь в общении и трудом молитвенным, и соболезованием сердечным – и прошениям твоим отверзется источник милости.

Постоянно утруждай себя молитвами перед Богом в сердце, носящем чистый помысел, исполненный умиления, – и Бог сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных, да не укорится о тебе путь Божий. Постоянно упражняй себя в размышлении, читая Божественные Писания с точным их разумением, чтобы при праздности твоего ума не осквернялось зрение твое чужими сквернами непотребства.

Не решайся искушать свой ум непотребными помыслами или зрением вводящих тебя в искушение лиц, даже когда думаешь, что не будешь преодолен этим, потому что и мудрые таким образом омрачались и впадали в безумие. Не скрывай пламени за пазухой своей без сильных скорбей плоти своей (см. Притч. 6, 27).

Юности трудно без обучения отдаться под иго святыни. Начало помрачения ума (когда признак его начинает открываться в душе) прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному обольщению; когда же лишается она Божией помощи, легко впадает в руки противников своих. А также, как только душа делается беспечной к делам добродетели, непременно увлекается в противное им. Ибо переход с какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Доброделание есть попечение о душевном, а не о суетном. Непрестанно открывай немощь свою перед Богом, и не будешь искушаем чуждыми, как только останешься один без Заступника своего.

Деятельность крестная двоякая: по двоякости естества и она разделяется на две части. Одна, состоящая в претерпении плотских скорбей, производимых действием раздражительной части души, и является и называется деятельностью. А другая заключается в тонком делании ума и в Божественном размышлении, а также и в пребывании на молитве и так далее. Она совершается вожделевательной частью души и называется созерцанием. И одна, то есть деятельность, очищает по силе ревности страстную часть души, а вторая – действительность душевной любви, то есть естественное вожделение, которое просветляет умную часть души.

¹⁰ Здесь, вероятно, имеется в виду старческий возраст, когда многие виды искушений недоступны или теряют свою обольстительность и, следовательно, не требуется преодолевать себя и проявлять свободу воли, чтобы им противиться.

Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к этой, второй, привлекаемый ее сладостью, не говорю уже – своей леностью, постигает гнев¹¹ за то, что не умертвил прежде *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3, 5), то есть не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. Это-то и значит сказанное древними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, чем чувства его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то постигает его Божий гнев. Это восхождение на крест, навлекающее гнев, бывает не в первой части претерпения скорбей, то есть распятия плоти, но когда человек входит в созерцание; а это есть вторая часть, следующая за исцелением души.

У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказанием за то, что, не очистив прежде ума скорбями и не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день и даже ночь по причине ужасов, ожидающих их в пути, и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с ее обманчивыми призраками.

Говорят, что от Бога, то приходит само собой, а ты и не почувствуешь. Это правда, но только если место чисто, а не осквернено. Если же нечиста зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор на солнечный шар, чтобы не утратить тебе и этого малого луча, то есть простой веры, и смирения, и сердечного исповедания, и малых посильных тебе дел и не быть извергнутым в единую область духовных существ, которая есть тьма кромешная (в то, что вне Бога и есть подобие ада), как извергнут был тот, кто не устыдился прийти на брак в нечистых одеждах. Трудом и хранением себя источается чистота помыслов, а чистотой помыслов – свет мышления. Отсюда же по благодати ум руководится к тому, над чем чувства не имеют власти, чему и не учат, и не учатся они.

Представь себе, что добродетель – это тело, созерцание – душа, а та и другое – один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей: из чувственного и разумного. И как невозможно, чтобы душа получила бытие и была рождена без совершенного образования тела с его членами, так душе прийти в созерцание второе, то есть в дух откровения, – в созерцание, образуемое в ложеснах, приемлющих в себя вещество духовного семени, – невозможно без совершения дела добродетели; а это¹² есть обитель рассуждения, приемлющего откровения.

Созерцание – это ощущение Божественных тайн, сокровенных в вещах и в их причинах. Когда слышишь об удалении от мира, об оставлении мира, о чистоте от всего, что в мире, тогда нужно сначала понять и узнать, но понятием не простонародным, а чисто разумным, что значит самое наименование «мир», из каких различий составляется это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира и что примешано к ней от мира. Слово «мир» есть имя собирательное, обнимающее собой так называемые страсти. Если человек не знал прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек от мира и какими связан с ним.

Много есть таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира, отказались от общения с миром и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем, потому что не уразумели и не усмотрели премудро, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены в теле живут миру. Впрочем, не возмogli они сознать в себе и страстей своих, и так как не сознали их, то не позаботились и об их уврачевании.

¹¹ Божий.

¹² То есть добродетель.

По умозрительному исследованию, миром называется и состав собирательного имени, объемлющего собой отдельно взятые страсти. Когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром, а когда хотим различать их по разным их наименованиям, называем их страстями. Страсти же – это части преемственного течения мира, и где прекращаются страсти, там мир стал в своей преемственности.

И страсти суть следующие: приверженность к богатству, к тому, чтобы собирать какие-либо вещи; телесное наслаждение, от которого происходит страсть плотского вожделения; желание чести, от которого истекает зависть; желание распоряжаться начальственно; надмение благолепием власти; желание наряжаться и нравиться; искание человеческой славы, которая бывает причиной злопамятства; страх за тело. Где страсти эти прекращают свое течение, там мир умер. И в какой мере недостает там некоторых из этих частей, в такой мере мир остается вне, не действуя теми частями состава своего, как и о святых сказал некто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти.

И ты смотри, какими из этих частей живешь. Тогда узнаешь, какими частями ты живешь и какими умер миру. Когда познаешь, что такое мир, тогда из различия всего этого познаешь и то, чем связан ты с миром и чем отрешился от него. И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что исшел он из мира. И отчуждение от мира познается по этим двум признакам: по превосходнейшему житию и по отличию понятий самого ума.

Из этого наконец возникают в мысли твоей понятия о вещах, в которых блуждает мысль своими понятиями. По ним уразумеешь меру жития своего: воделеваает ли чего естество без насилия себе, есть ли в тебе какие прозябения неистребляемые или какие производимые только случаем; пришел ли ум в сознание понятий совершенно нетелесных, или весь он движется в вещественном, и это вещественное страстно. Ибо печати овеществления дел, под какими ум невольно представляется во всем, что ни совершает, суть добродетели. В них-то без немощи заимствует для себя причину к горячности и собранности помыслов с доброй целью потрудиться телесно, для упражнения этой горячности, если только делается это нестрастно. И смотри, не изнемогает ли ум, встречаясь с этими печатями тайных помыслов, по причине лучшего пламенения по Богу, которым обыкновенно отсекаются суетные памятования.

Этих немногих признаков, показанных в этой главе, взамен многих книг достаточно будет к тому, чтобы просветить человека, если он безмолвствует и живет в отшельничестве. Страх за тело бывает в людях настолько силен, что вследствие его нередко остаются они неспособными свершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело приникает страх за душу, тогда страх телесный изнемогает перед страхом душевным, как воск от силы пожигающего его огня. Богу же нашему слава во веки веков! Аминь.

Слово 3

О том, что душа до познания Божией премудрости и Божиих тварей доходит без труда, если безмолвствует вдали от мира и житейских попечений, ибо тогда может познавать естество свое и те сокровища, какие имеет сокрытыми внутри себя

Когда не вошли в душу извне житейские попечения, но пребывает она в естественном своем состоянии, тогда непродолжителен бывает труд ее и доходит она до познания Божией премудрости. Потому что удаление души от мира и безмолвие естественно побуждают ее к познанию Божиих тварей, а от этого возносится она к Богу, в удивлении изумевает и пребывает с Богом. Ибо, когда в душевный источник не входят воды извне, тогда естественные источающиеся в ней воды непрестанно порождают в душе помышления о чудесах Божиих. А как только душа оказывается не имеющей этих помышлений, это значит или что подана к тому некая причина какими-либо чуждыми воспоминаниями, или что чувства от встречи с предметами произвели против нее мятеж.

Когда же чувства заключены безмолвием, не позволяется им устремляться вовне, и при помощи безмолвия устареют памятования. Тогда увидишь, что такое естественные помыслы души, что такое самое естество души и какие сокровища имеет она скрытыми в себе. Сокровища же эти составляет познание бесплотных, возникающее в душе само собой, без предварительной мысли о нем и без труда. Человек даже не знает, что такие помыслы возникают в природе человеческой. Ибо кто был ему учителем? Или как постиг он то, что, и будучи умопредставлено, не может быть уяснено для других? Или кто был наставником его в том, чему нимало не учился он у другого?

Такова-то природа души. Следовательно, страсти суть нечто придаточное, и в них виновна сама душа. Ибо по природе душа бесстрастна. Когда же слышишь в Писании о страстях душевных и телесных, да будет тебе известно, что говорится это по отношению к причинам страстей, ибо душа по природе бесстрастна. Не принимают этого держащиеся внешнего любомудрия, а подобно им и их последователи. Напротив, мы веруем так, что Бог созданного по образу сотворил бесстрастным.

«Созданный по образу» разумею по отношению не к телу, но к душе, которая невидима. Ибо всякий образ снимается с предлежащего изображения. Невозможно же представить кому-либо образ, не увидев прежде подобия. Потому должно увериться, что страсти, как сказали мы выше, не в природе души. Если же кто противоречит сказанному, то мы предложим ему вопрос, и пусть он ответствует нам.

Вопрос. Что такое естество души? Бесстрастное ли нечто и исполненное света или страстное и омраченное?

Ответ. Если некогда естество души было светло и чисто по причине принятия им в себя блаженного света, а подобно сему таковым же оказывается, когда возвращается в первобытный чин, то несомненно уже, что душа бывает вне своего естества, как только приходит в страстное движение, как утверждают и питомцы Церкви. Поэтому страсти привзошли в душу впоследствии, и несправедливо говорить, будто бы страсти – в естестве души, хотя она и приводится ими в движение.

Итак, явно, что приводится она в движение внешним, не как своим собственным. И если страсти называются душевными, потому что душа приводится ими в движение без участия тела, то и голод, и жажда, и сон будут душевными же, потому что и в них, а равно при отсечении членов, в горячке, в болезнях и подобном тому, душа страдает и совоздыхает с телом. Ибо душа соболезнует телу по общению с ним, как и тело соболезнует душе. Душа веселится при веселии тела, приемлет в себя и скорби его. Богу же нашему слава и держава вовеки! Аминь.

Слово 4

О душе, о страстях и о чистоте ума в вопросах и ответах

Вопрос. Что такое естественное состояние души? Что такое состояние противоположное? Что такое состояние сверхъестественное?

Ответ. Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных. Сверхъестественное состояние есть возбуждение к созерцанию пресущественного Божества. Противоестественное же состояние есть движение души в мятущихся страстями. Как сказал божественный и великий Василий, душа, когда оказывается сообразной с естеством, пребывает горе, а когда оказывается вне своего естества, является долу на земле; когда же бывает горе, оказывается бесстрастной; а когда естество низойдет от свойственного ему чина, тогда открываются в нем страсти. Итак, явствует наконец, что страсти душевные не суть душевные по естеству.

Если душа в охудаемых телесных страстях приходит в такое же движение, как и в голоде и в жажде, то, поскольку в рассуждении этих последних не положено ей закона, не столько бывает она достойна порицания, как в прочих страстях, заслуживающих порицания. Случается, что иногда иному бывает попущено Богом сделать что-либо по видимости неуместное, и вместо порицания и укоризн воздается ему благим воздаянием. Так было с пророком Осией, который поял в жены блудницу, с пророком Илией, который по ревности Божией совершил убийство, и с теми, которые по велению Моисея мечом убили своих родителей. Впрочем, говорится, что в душе и без телесного естества естественно есть похоть и раздражительность, и это суть страсти души.

Вопрос. То ли сообразно с естеством, когда вожеление души воспламенено Божественным или когда обращено на земное и телесное? И для чего душевное естество обнаруживает ревность свою с раздражительностью? И в каком случае раздражение называется естественным? Тогда ли, когда душа раздражается по какому-либо плотскому вожелению, или по зависти, или по тщеславию, или по чему подобному, или когда раздражает ее что-либо противное этому? Пусть отвечает, у кого слово, и мы последуем ему.

Ответ. Божественное Писание многое говорит и часто употребляет именованья не в собственном смысле. Иное свойственно телу, но скажется о душе. И наоборот, свойственное душе скажется о теле. И Писание не разделяет сего, но разумные понимают это. Так и из свойственного Божеству Господа иное, неприменимое к человеческой природе, сказано в Писании о всесвятом Телѣ Его. И наоборот, уничижительное, свойственное Ему по человечеству, сказано о Божестве Его. И многие, не понимая цели Божественных словес, поползнулись в этом, погрешив неисправимо.

Так, в Писании не различается строго свойственное душе и свойственное телу. Потому если добродетель естественным образом есть здравие души, то недугом души будут уже страсти – нечто случайное, прившедшее в естество души и выводящее ее из собственного здравия. А из этого явствует, что здравие предшествует в естестве случайному недугу. Если же это действительно так (что и справедливо), то значит уже, что добродетель есть естественное состояние души, случайное же¹³ – вне естества души.

Вопрос. Страсти телесные естественно ли или случайно приписываются телу? И страсти душевные, принадлежащие душе по связи ее с телом, естественно ли или в несобственном смысле ей приписываются?

Ответ. О страстях телесных никто не осмелится сказать, что принимаются в несобственном смысле. А о душевных страстях, как только дознано и всеми признается, что душе естество чистота, должно смело сказать, что страсти нимало не естественны душе, потому что болезнь позднее здравия. А одному и тому же естеству невозможно быть вместе и добрым, и лукавым. Поэтому необходимо одно предшествует другому. Естественно же то, чем предважено другое, потому что обо всем случайном говорится, что оно не от естества, но привзошло извне; и всем случайным и привзошедшим следует изменение, естество же не переиначивается и не изменяется.

Всякая страсть, служащая к пользе, дарована от Бога. Страсти телесные вложены в тело на пользу и возрастание ему; таковы же и страсти душевные. Но когда тело, лишением свойственного ему, принуждено стать вне своего благосостояния и последовать душе, тогда оно изнемогает и терпит вред. Когда и душа, оставив принадлежащее ей, последует телу, тогда и она терпит вред, по слову божественного апостола, который говорит: *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5, 17). Потому никто да не хулит Бога, будто бы Он в естество наше вложил страсти и грех. Бог в каждое из естеств вложил то, что служит к его возрастанию.

Но когда одно естество входит в согласие с другим, тогда оно обретается не в том, что ему свое, но в противоположном этому. А если бы страсти были в душе естественно, то почему душа терпела бы от них вред? Свойственное естеству не вредит ему.

Вопрос. Почему телесные страсти, возвращающие и укрепляющие тело, вредят душе, если они не свойственны ей? И почему добродетель утесняет тело, а душу возвращает?

Ответ. Не примечаешь ли, как то, что вне естества, вредит ему? Ибо каждое естество исполняется веселья, приблизившись к тому, что ему свойственно. Но ты желаешь знать, что свойственно каждому из этих естеств? Примечай: что вспомоществует естеству, то ему свойственно, а что вредит, то чуждо и привзошло извне. Итак, поскольку дознано, что страсти тела и души одни другим противоположны, то уже всё, сколько-нибудь вспомоществующее телу и доставляющее ему отдохновение, свойственно ему. Но когда сдружилась с этим душа, нельзя сказать, что это ей естественно, ибо что свойственно естеству души, то – смерть для тела.

Впрочем, в несобственном смысле сказанное выше приписывается душе. И душа, по немощи тела, пока носит его на себе, не может от этого освободиться, потому что естественно вступила в общение со скорбным для тела по причине того единения, какое непостижимой Премудростью установлено между движением души и движением тела. Но хотя они и в таком взаимном общении, однако же отличны и движение от движения, и воля от воли, а также и тело от духа.

Впрочем, естество не переиначивается. Напротив, каждое из естеств хотя и крайне уклоняется, в грех ли то или в добродетель, однако же приводится в движение собственной своей волей. И когда душа возвысится над попечением о теле, тогда вся всецело цветет духом в движениях своих и среди неба носится в непостижимом. Впрочем, и в этом состоянии не воспре-

¹³ То есть страсти.

щает телу помнить свойственного ему. И также, если тело оказывается в грехах, душевные помышления не перестают источаться в уме.

Вопрос. Что такое чистота ума?

Ответ. Чист умом не тот, кто не знает зла (ибо такой будет скотоподобным), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, не тот, кто принимает на себя вид чистоты. Но вот чистота ума – просветление Божественным по деятельном упражнении в добродетелях. И не смеем сказать, чтобы приобрел это кто без искушения помыслами, потому что иначе он был бы не облеченный телом. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо и не терпело вреда. Искушением же помыслов называю не то, чтобы подчиняться им, но чтобы положить начало борьбе с ними.

Перечисление движений помыслов

Движение помыслов в человеке бывает от четырех причин: во-первых, от естественной плотской похоти; во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о каких человек слышит и какие видит; в-третьих, от предзанятых понятий¹⁴ и от душевной склонности, какие человек имеет в уме; в-четвертых, от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, по сказанным прежде причинам.

Поэтому человек даже до смерти, пока он в жизни этой плоти, не может не иметь помыслов и брани. Ибо, рассуди сам, возможно ли, чтобы прежде исшествия человека из мира и прежде смерти пришла в бездействие какая-либо одна из этих четырех причин? Или возможно ли телу не домогаться необходимого и не быть вынужденным пожелать чего-либо мирского? Если же неуместно представлять себе что-либо подобное, потому что естество имеет нужду в таких вещах, то значит уже, что страсти действуют во всяком, кто носит на себе тело, хочет ли он того или не хочет.

Поэтому всякому человеку, как носящему на себе тело, необходимо охранять себя не от одной какой-либо страсти, явно и непрестанно в нем действующей, и не от двух, но от многих страстей. Победившие в себе страсти добродетелями, хотя и бывают тревожимы помыслами и приражением четырех причин, однако же не уступают над собой победы, потому что имеют силу, и ум их восторгается к благим и Божественным памятованиям.

Вопрос. Чем отличается чистота ума от чистоты сердца?

Ответ. Иное есть чистота ума, а иное – чистота сердца. Ибо ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы, то есть если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства. Если ум приложит старание к чтению Божественных Писаний или потрудится несколько в постах, в бдениях, в безмолвиях, то забудет прежний свой образ мыслей и достигнет чистоты, как только удалится от скверного жития; однако же не будет иметь постоянной чистоты, потому что, как только он очищается, так же скоро и оскверняется.

Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты, то чистота его не осквернится чем-либо малым, не боится великих, явных браней (разумею брани страшные), потому что приобрело себе крепкий желудок, который может скоро переварить всякую пищу, несваримую в людях немощных. Ибо врачи говорят, что всякая мясная пища неудобоварима, но много силы сообщает телам здоровым, когда приемлет ее крепкий желудок.

Так всякая чистота, приобретенная скоро, в короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продол-

¹⁴ То есть от прежних впечатлений.

жительным временем, не страшится какого-либо не превышающего меру приражения в какой-либо из частей души, потому что укрепляет душу Бог. Ему слава во веки веков! Аминь.

Слово 5 О чувствах, а также и об искушениях

Чувства целомудренные и собранные воедино порождают в душе мир и не попускают ей входить в испытание вещей¹⁵. А когда душа не приемлет в себя ощущения вещей, тогда победа совершается без борьбы. Если же человек вознерадит и дозволит, чтобы имели к нему доступ приражения помыслов, то принужден тогда бывает выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бывает весьма проста и ровна. Ибо из-за этого нерадения большая часть людей, или и целый мир, выходят из естественного и чистого состояния.

Поэтому живущие в мире в тесных связях с мирскими людьми и не могут очистить ума по той причине, что много познали зла. Немногие же в состоянии возвратиться к первоначальной чистоте ума. Поэтому всякому человеку надлежит с осторожностью соблюдать всегда чувства свои и ум от приражений. Ибо много потребно трезвости, неусыпности, предусмотрительности. Великая простота прекрасна.

Человеческой природе, чтобы хранить пределы послушания Богу, потребен страх. Любовь к Богу возбуждает в человеке любовь к деланию добродетелей, через это стремится к благодарению. Духовное ведение естественно следует за деланием добродетелей. Тому же и другому предшествуют страх и любовь. И опять, любви предшествует страх. Всякий, кто не стыдится говорить, что можно приобрести последние без делания первых¹⁶, несомненно полагает первое основание погибели для своей души. Таков путь Господень, что последние рождаются от первых.

Любви к брату своему не заменяй любовью к какой-либо вещи, потому что брат твой тайно приобрел внутри себя Того, Кто всего драгоценнее. Оставь малое, чтобы приобрести великое. Презри излишнее и малоценное, чтобы приобрести многоценное. Будь мертв в жизни своей, чтобы жить по смерти. Предай себя на то, чтобы умирать в подвигах, а не жить в нерадении. Ибо не только те мученики, которые приняли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых.

Не будь несмыслен в своих прошениях, чтобы не оскорбить тебе Бога неразумием. Будь мудр в своих молитвах, чтобы сподобиться тебе славы. Проси досточестного у Дающего без зависти, чтобы за мудрое свое хотение принять от Него и почесть. Премудрости просил себе Соломон, и поскольку у Великого Царя просил премудрого, то с премудростью принял и царство земное. Елисей просил в сугубой мере той благодати Духа, какую имел учитель, и прошение его не осталось неисполненным.

¹⁵ То есть увлекаться вещами.

¹⁶ То есть ведение и делание добродетелей без любви и страха.

Израиль просил маловажного, и постиг его гнев Божий. Оставил он то, чтобы в делах Божиих дивиться страшным чудесам Божиим, и домогался удовлетворить похотениям своего чрева. Но *еще брашну сущу во устех их, и гнев Божий възыде на ня*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.